

арифметическое, а избежать тавтологии в определении числа мы только и можем при условии употребления нечисловых категорий. Таким образом, «нечто» является в числе тем, что полагается,—полагаемым. Это полагаемое в процессе полагания становится положенным и *превращается из «нечто» в «это»*. Можно употреблять тут также и другие термины, «одно», «единичность», «бытие»,—это не так важно. Важно точно зафиксировать значение той категории, которая единственно здесь имеется в виду.

Итак, «нечто» в результате своего полагания, или самополагания, становится «этим», превращается в «это».

§ 19. «Иное этого»; различие, тождество, движение, покой.

Уже здесь запутан целый клубок категорий, который необходимо распутать и точно формулировать.

Прежде всего, «нечто» только тогда может превратиться в «это», когда «это» будет как-то содержать в себе «нечто». Если «это» не рассматривается вполне изолированно, но именно как происшедшее из «нечто», то в нем обязательно должно содержаться «нечто», так как иначе мы и не догадаемся, что «это» получилось из «нечто». Значит, «это» и «нечто» должны быть в каком-то отношении *тождественны* между собою, равно как и самое раздельное употребление здесь слов и понятий возможно только потому, что тут действует категория *различия*. Точно так же «превращение» «нечто» в «это» обязательно требует для себя категории *движения*; если мы не передвинулись от «нечто» в «это», то как же можно говорить о превращении здесь одного в другое или о становлении одного другим? Но и движения мало, так как совершенно ясно, что это движение должно здесь и *остановиться*, потому что «нечто» не может двигаться бесконечно. Оно должно двигаться и развиваться до стадии «этого», до момента превращения в «это», а не больше того. Как только оно стало «этим», оно остановилось. Таким образом, здесь вполне явственно функционирует категория покоя.

Но выяснить все категории, необходимые для осуществления числа, лучше не на одиночном полагании, а на множественном полагании, т. е. на многих полаганиях, из которых и получают двойка, тройка, четверка и все прочие числа. Здесь диалектическая игра этих категорий

будет гораздо виднее, и через этот анализ станет яснее взаимосвязь этих категорий и в сфере единичного полагания.

Мы имеем «нечто». Мы его полагаем и тем превращаем в «это». Но тут, как сказано, еще не возникает числа и не возникает даже единицы, если ограничиться только простым констатированием этой операции полагания. Чтобы продвинуться дальше, всмотримся в процесс счета, как он ежедневно совершается в нашем сознании. Пробегая по линии натурального ряда чисел, мы находим после «первой» единицы «вторую» единицу, получаем число «два». Как это происходит, если у нас есть только «нечто», превращенное в «это»?

Чтобы произошло зарождение числа «два» или понятия «второго», очевидно, кроме «этого» требуется еще «иное», *необходим переход из «этого» в «иное»*. Если нет ничего «иного», кроме «этого», то никогда не может быть и ничего «второго», т. е. никогда не может быть «двух». «Иное» есть только более общее понятие «второго». Это та сфера, где мы должны искать понятие «второго». Но достаточно ли «иного» для «второго»? Конечно, нет. Все «второе» есть иное в сравнении с «первым», но не всякое «иное» есть «второе» в отношении «первого». Так, если я имею один орех, то перо уже будет «иным» в сравнении с орехом, но оно не будет «вторым». «Вторым» может быть здесь только орех же, другой орех. Точно так же и дом не есть «второе» по сравнению с садом, если последний считать «первым», хотя, несомненно, он есть нечто иное в сравнении с садом. Таким образом, счет, т. е. переход по линии натурального ряда чисел, возможен только тогда, когда имеется в виду *родовое тождество* считаемых предметов. Можно иметь несколько орехов; тогда один из них будет «первым», другой — «вторым», еще иной — «третьим» и т. д., но нельзя в один ряд ставить орехи, стулья, перья, дома и т. д. Разумеется, можно считать и эти последние предметы, невзирая на их разнородность, но тогда счет будет предполагать более высокое родовое тождество, напр. понятие вещи. Я могу взять перо, карандаш, орех, дом и реку и сказать: вот *пять предметов*, которые я сейчас мыслю, или вот *пять вещей*. Тут понятие предмета (или вещи) окажется родовым тождеством, обуславливающим собою счет.

Однако вспомним, что ведь мы занимаемся не «предметами» и «вещами», но числами, которые вполне пусты

в смысле всякой «предметности» или «вещественности». Поэтому возникает вопрос: что же есть самотождественного в тех моментах, которые мы сочли необходимыми для числа, т. е. в «этом» и «ином»? У нас пока нет совершенно ничего, кроме «этого» и «иного». У нас пять орехов или груш; у нас нет пока «вещей» или «предметов». И вот мы должны все-таки найти что-то общее между «этим» и «иным», найти их тождество, родовое тождество. Переходя к «иному», мы узнаем в нем старое «это», и только благодаря такому положению дела и возможно «иное» считать «вторым». Итак, *между «этим» и «иным» устанавливается тождество*, и потому «иное», являясь *тем же самым*, что и «это», и оказывается «вторым» в отношении «этого».

Общим и самым тождественным может явиться здесь только «нечто», т. е. такое «это», которое еще не положено, неположенное «это». И «это» есть нечто, и «иное» есть нечто. «Это» и «иное» тождественны между собою в моменте «нечто». «Нечто» — то родовое единство и тождество, которое существует между «этим» и «иным». Неположенная значимость самотождественна в утвержденном, положенном бытии и в отрицаемом бытии. Ясно, кроме того, и без дальнейших заключений, что «это» и «иное» должны быть еще и *различны* между собою. Если «иное» ничем не отличается от «этого», то оно не может быть и иным. Потому оно и иное, что оно не есть одно, не есть это, что оно — «не-это». И чем же отлично «иное» от «этого»? Оно отлично только самым фактом своего инобытия. *По смыслу* своему, по основному значению «это» и «иное» вполне тождественны (то и другое есть «нечто»), но по фактическому своему существованию, *по факту* (чисто нумерически), они вполне различны.

Так или иначе, но мы до сих пор имеем: 1) «нечто», смысл до полагания; 2) «это», смысл в полагании, положенный смысл; 3) «иное» «этого», выход за пределы положенного смысла; 4) *различие* «этого иного» с прежним «этим» в смысле фактической внеположенности; 5) *тождество* «этого иного» с прежним «этим»; 6) переход от прежнего «этого» к новому «этому иному» — *движение* и 7) остановку движения и изменение «этого» на стадии «этого иного» и прекращение движения в этой точке — *покой*. Последние две категории настолько ясны и необ-

ходимы, что доказательство их функционирования в конструкции натурального ряда чисел совершенно не нуждается ни в каких пояснениях. К этому списку необходимых для числа моментов нужно только еще прибавить, что здесь все время идет речь исключительно только о смысловых *актах полагания*, что все эти наименования «нечто», «это», «иное» и т. д. относятся только к *актам полагания* смысла, к самим актам, к актам как таковым, и ни к чему другому. «Нечто», стало быть, есть здесь акт до его осуществления в качестве акта; «это» есть осуществленный акт полагания; «иное» есть область за пределами актов же полагания и т. д.

§ 20. «Ничто» и абсолютно самотождественная неразличимость актов полагания — перво-принцип числа.

Что же мы получили? Как выразить наш анализ в более сжатой и интенсивной формуле?

Выразить более сжато и более кратко — значит достигнуть и максимальной ясности и проникнуть в самое глубокое основание предмета. Поэтому вникнем подробнее и глубже в анализ найденных нами моментов в понятии числа.

Прежде всего загадочным является первый момент. Он есть «нечто», которое тождественно самому себе в «этом» и в «ином». Каким образом оно может быть самотождественно и что значит эта самотождественность? Мы уже знаем, что «нечто» есть, прежде всего, отсутствие всякого полагания. Оно есть до-полагание. Итак, до-полагание, предшествующее полаганию («этому») и ино-полаганию («иному»), одинаково присутствует и в том и в другом. Но если «нечто» еще не положено, то тут возникает весьма глубокое диалектическое обстояние, требующее полного разъяснения. Если «нечто» не положено, то оно есть чистое «нечто», т. е. лишено всякого фона, на котором оно было бы положено. Если что-нибудь положено, оно тем самым окружается инобытием, полагается в том, что не есть оно само, т. е. в инобытии. Такое же «нечто», которое никак не положено, не имеет никакого инобытия, не окружено никаким инобытийным фоном. Но то, что не имеет вокруг себя никакого инобытийного окружения, то *ничем и не отличается ни от чего*. И вот это-то неотличие и требует ясного представления.

То, что ничем ни от чего не отличается, может ли быть вообще *чем-нибудь*? Что-нибудь, если оно действительно